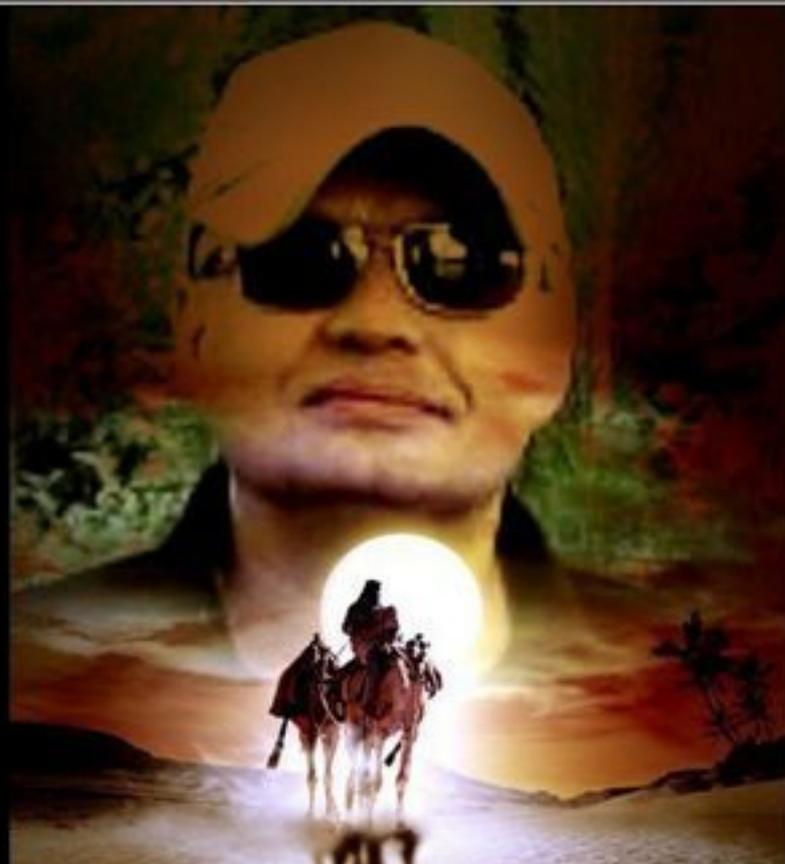

Андрей Иванов

Таёжный монах

Необыкновенные случаи в монастыре
и живые рассказы о самых светлых и
странных людях

Андрей Иванов

**Таёжный монах.
Необыкновенные случаи
в монастыре и живые
рассказы о самых светлых
и странных людях**

«Издательские решения»

Иванов А.

Таёжный монах. Необыкновенные случаи в монастыре
и живые рассказы о самых светлых и странных людях /
А. Иванов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745808-9

Монастырь — это и есть лечебница для душевно раненых, душевно больных, душевно уставших, и исцеление тут идёт незаметно. Не быстро. Исцеляет тут сам Бог, покой и христианская тихая любовь окружающих. Здесь нет истерик, очарований, разочарований, суеты, больших надежд и планов. Страхи и тревоги сами растворяются в простоте и чистоте обычной жизни...

ISBN 978-5-44-745808-9

© Иванов А.
© Издательские решения

Содержание

Удача блудного беса	7
Повесть	7
Монах	11
Имена Господа	12
История первая	12
Что такое на самом деле моя жизнь?	16
История вторая	16
Кто, зачем и как?	22
История третья	22
Рассказы	28
Сибирский дальнобой	29
Женская доля	35
Велосипед детства	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Таёжный монах Необыкновенные случаи в монастыре и живые рассказы о самых светлых и странных людях

Андрей Иванов

© Андрей Иванов, 2017

ISBN 978-5-4474-5808-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Посвящаю этот новый сборник избранных повестей и рассказов моим дорогим
и любимым**

Бабушке Валентине Дмитриевне и матушке Аделии Алексеевне. Также моему духовному отцу и мудрому православному наставнику игумену иеромонаху Серафиму (Тарабыкину).

Мой православный духовный отец игумен батюшка Серафим. Фото автора

Удача блудного беса

Повесть

От автора

Эта повесть, как и все рассказы из моего цикла «МОНАХ», основана на реальных событиях из жизни насельников современного православного монастыря. Старожилы того далёкого, таёжного сибирского посёлка и монахи хорошо помнят эту историю до сих пор.

Хотя произошла эта драма почти тридцать лет назад, в самом начале лихих 90-х.

Имена в повести изменены, кроме имени рассказчика, то есть меня. По причине того, что герои повествования легко смогут сами узнать себя тут, и права разглашать их истинные имена и название монастыря я никак не имею.

Да и не так уж важно для читателя, я уверен, как зовут героев повести. Гораздо важнее её трагическое содержание и сама духовная суть.

ЭПИГРАФ

«27 Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй.

28 А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

29 Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

30 И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.»

ЕВАНГЕЛИЕ (НОВЫЙ ЗАВЕТ) От Матфея святое благовествование

Вы читали о последнем вскрике распятого Иисуса на кресте, перед его оставлением земного тела?

– **Элои! Элои! Ламма савахфани?** – Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?

В ту пору я ещё не жил в монастыре. Историю эту привезли оттуда уже не помню кто, то ли приезжие паломники, то ли священники рассказали.

Тогда я ещё был молод, память сохранила ясно и отчётливо все подробности их рассказов.

Мне, на тот момент, исполнилось 28 лет. Я служил смотрителем Духовной Семинарии при главном Кафедральном Соборе. Было необходимо следить за порядком в общежитии семинаристов, да и самому приглядывать за ними на учёбе и в свободное от занятий время.

Вот тогда то и услышал об этом случае из монастырской жизни.

Алексей, обычный советский парнишка, был призван на службу в Армию в конце 80-х. Попал в элитные войска ВДВ (воздушно-десантные), в штурмовую бригаду. Туда отбирали самых физически крепких, высоких ростом и не глупых ребят. Из них готовили решительных и бесстрашных головорезов, обучая действиям в самых тяжёлых и экстремальных условиях учебного боя.

Ближе к концу службы десантников ждал очередной прыжок с парашютом, ничего необычного, обычная служба. Ничего не предвещало ни неожиданностей, ни беды. Всё давно знакомо, отработано до автоматизма.

Однако, перед самым приземлением, раскрытый парашют Алексея попал в сильный поток ветра. И опытного десантника внезапно понесло не к земле, а вдоль неё. Всего в десятке метров от каменистой поверхности.

При такой скорости не спас бы ни шлем, ни опыт, ничего, парня бы просто размозжило при ударе о камни.

Сердце бешено колотилось. А губы сами собой зашептали:

– Господи, спаси, Господи, помилуй!

И тут произошло чудо. Ветер стих, Алексей плавно опустился на землю. Но силы оставили его.

Нужно было срочно освободиться от парашюта и бежать в учебную атаку, вместе с товарищами. Но шок ещё не прошёл. Наступило временное отупение, ум никак не мог поверить в спасение от неминуемой гибели.

Подбежавший зам. командира бригады пару раз несильно хлопнул десантника по щекам. Алексей очнулся и стал ошалело осматриваться по сторонам, приходя в себя.

Случилось так, что это был последний прыжок Алексея. После демобилизации он решил не ехать домой, его потянуло в монастырь. Душа человека – потёмки. Никто не знает мотивы этого поступка, кроме самого Лёши. Может быть, после того спасения он захотел как-то послужить своему Спасителю. А может быть, что-то изменилось в его молодой, шокированной тем случаем, психике. Гадать не буду.

Прибыв в монастырь, парень попросил послушание, и был назначен истопником в храме. В его обязанности вошло топить печь, следить за тем, чтобы в церкви всегда было тепло. Как все Лёша стал обычным послушником, молился, читал Святое Писание, жил скромно и немногословно.

Осень 1990 года выдалась холодной. Молодой истопник часто выходил в монастырский дворик за углём и дровами. В перерывах читал Евангелие или дремал. В храме было тепло тихо, спокойно. Обычная северная ночь. Все в монастыре спят, устав от дневных трудов и непрестанных молитв.

Один истопник не мог уснуть. Он сидел на лавке у печи, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, зажав голову обеими руками. Его снова мучил блудный бес.

Несмотря на постную монастырскую пищу, у парня играла молодая кровь. Он начал изнурять себя, меньше есть, меньше спать, до изнеможения колоть дрова. Но ни недоедание, ни труды, не молитва, ни частая исповедь и причастие не смогли полностью избавить Алексея от похоти. Тело стонало. Мысли путались и уводили в страстные картины блуда.

Молодые послушницы и монахини казались парню желанными. И ничего поделать он с этим не мог.

Сегодняшняя ночь особенно сильно сводила его с ума. Детородный орган восстал, и перед умом вставали яркие и страстные картины совокупления. Его молодое и сильное тело просило удовлетворения. Парень постоянно исповедовался перед батюшкой в грехе рукоблудия, но желание самоудовлетворения мучило его всё больше и больше. Алексей схватил Евангелие и наугад открыл его на первой попавшейся странице.

«А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем.

Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.

И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну.»

– Вот выход! Вот спасение! – зашептали мысли.

Парень нащупал под ногами топор и как-то вне себя, покачиваясь направился к выходу их храма. Вот чурка, на которой он обычно рубит дрова. Перекрестился.

– Господи прости, помилуй и благослови. – Он поднял глаза к небу. Небо хмуро молчало. Лишь луна и звёзды безразлично смотрели на мучения Алексея.

Послушник, как в бреду, медленно приспустил брюки. Достал восставший, мучивший его половой орган. Выложил его на чурку. Несильный, но решительный взмах наточенного до блеска топора. Мгновенная вспышка ярких искр перед глазами. Болевой шок. Алексей потерял сознание.

Когда он очнулся, страшная боль сковала не только его тело. Но и всю его Душу и ум.

Казалось, что всё небо со звёздами падает на Алексея. В ушах стоит нестерпимый гул, хохот, вой. Вся Вселенная рушилась. Храм накренился и начал клониться на измученное тело послушника. Он хотел закричать, но не смог. Губы беззвучно шевелились. Из открытого рта струился только слабый стон и пар.

Обезумевшего от боли и ужаса, всего мокрого от крови и слёз парня нашли уже под утро поднимавшиеся первыми монахини. Алексей лежал на куче дров и тихонько стонал. Руками он зажимал кровоточащую промежность. Как он не умер от потери крови – знает только Бог.

Ранней зимой паром через реку уже не ходит, а лёд ещё некрепок. Скорую помощь ждать придётся очень долго. Местный врач помочь ничем не смог. Только сказал:

– Нужна срочная операция в городе. Нужно много донорской крови. Необходимо вызвать вертолёт. Другого выхода нет.

Алексей выжил. Операция прошла. Насколько успешно, мне неизвестно.

После долгого лечения Лёшу выписали из городской больницы. В монастырь он не вернулся.

Впервые увидел его, сидящим на лавочке в церковном дворе, возле семинарии. Не знаю почему, но мне всегда были интересны странные люди. Захотелось подойти и заговорить с парнем. Тем более, что я уже знал его историю.

– Добрый день, Алексей. – Я присел рядом.

Он слегка повернул голову в мою сторону. На меня не мигая смотрели абсолютно непонимающие, пустые глаза с лёгкой тенью равнодушного удивления.

Господи, помилуй! Господи, помилуй! – Это всё, что чуть слышно прошептали губы Лёши мне в ответ.

Он поднялся с лавки и спешно отошёл от меня. Я видел его бродящим бесцельно во дворе собора или за едой в трапезной ещё примерно с неделю. Потом он куда-то уехал и больше я его не видел.

Через год мне рассказали, что Алексей устроился куда-то на работу личным охранником. Женится. Значит, навыки, полученные в Армии, не утратил. Телохранитель у какого-то богатого коммерсанта. Главное, чтобы сбылось у парня, всё, о чём так мечтал.

Знаю много способов покинуть святую обитель. Много историй могу рассказать из собственного опыта. Кого-то бесы уведут из монастырей через желание иметь семью, работу, деньги, детей. Кому-то не сидится на одном месте и тянет к перемене мест. Случаев много и все они разные. Кто-то, избрав монашеский путь, остаётся на нём навсегда. Но ещё больше таких, кто ломается под бесовскими искушениями, давлением дьявола и, покидая святые места, возвращается к мирской обыденной жизни. Возвращается к страстям, к суете мира, ко греху.

– **Элои! Элои! Ламма савахфани?** – Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?

Случаев много и все они разные. Сколько людей, столько и разных судеб. Сложных, трагических, счастливых, драматических, удачных. Слава Богу за всё!!!

Кто-то, избрав монашеский путь, остаётся на нём навсегда. Но ещё больше таких, кто ломается под бесовскими искушениями, давлением дьявола и, покидая святые места, возвращается к мирской жизни. Возвращается к страстям, к суете мира, ко греху. Или просто к обыденной жизни, как у всех. Да! Случаев много. И все они разные. О каждом можно писать. У всех и каждого сложная, интересная судьбинушка Жизнь. Но об этом уже в следующих рассказах.

Монах
Цикл рассказов о современной
жизни в православном монастыре

Имена Господа

История первая

С благодарностью к моим будущим читателям. Фото из личного архива автора.

Почту в посёлке обычно приносили в монастырь перед обедом. Или сам батюшка игумен забирал в отделении, или приносила пожилая тучная почтальонша.

Письма, телеграммы, почтовые уведомления складывали в храме на прилавке церковной лавки. И те, кому она полагалась, сами разбирали, когда заходили в храм. Сегодня принесла почтальонша, достаточно бодрая женщина лет 55. Она сказала, что есть срочная телеграмма, и попросила позвать того, для кого она предназначалась.

Возле прилавка стояло человек 8 мужчин. Один молодой монах отец Димитрий, высокий, статный, красивый, с немного то ли виноватыми, то ли грустными глазами. Два послушника, один зашел с кухни, второй из гаража. И пять строителей, среди которых был и я.

Послушник Феодор, который помогал готовить на кухне, взял телеграмму, посмотрел и сказал, что телеграмма для Вадима, который месяц назад переехал из монастыря жить и работать в скиту на Волоке. Но, как её туда доставить? Туда или на лыжах идти часа четыре или на снегоходе. А снегохода в монастыре нет. Дороги тоже практически нет. 5 км по тропе охотников, а потом вообще сплошные снега.

Зимняя дорога на Волок, в скит православных отшельников.

И, к тому же, темнеет рано, и мороз за тридцать.

В телеграмме сообщалось о заболевшей матери Вадима, которая жила в городе. Впрочем, желающих отнести пешком телеграмму в скит не нашлось.

Немного подумав, я решил пойти потеплей одеться и доставить это срочное сообщение на Волок.

Само название Волок раньше определяло поселение, то ли каторжан, то ли тех из крестьян, кто в незапамятные времена волокли на себе до реки сплава стволы кедров и сосен на лесопильный заводик. Сейчас же весь Волок состоял из пары рубленных домов, сарая и загона для скота.

Жили там несколько человек. Из тех, кому даже за стенами монастыря казалось жить суетно и шумно. Они брали благословение игумена и уходили ещё дальше в таёжную глушь.

Заправляла всем хозяйством скита бабка Варвара, старая монахиня. Электричества в ските не было, Длинные зимние вечера жгли маслянные лампадки и свечи.

Питались очень просто. Гораздо скудней, чем в трапезной монастыря. Если, не было поста, то потребляли рыбку, которая водилась тут, в протоке, и летом и зимой. А в основном, каши, хлеб, овощи и картошечку.

Сейчас тут было тихо и очень безмолвно. Все трое, не считая монахини Варвары были послушники. Вадим, 27 лет, седой бородач Анатолий 55 годков и самый молодой из всех Дима 20 лет, который никак не мог бросить курить в монастыре, и для этого поехал смиряться в скит.

Было около часа дня, когда я вышел из ворот монастыря и двинулся по направлению к скиту...

Шел по холодку бодро, весело, хрустел по снегу валенками, напевал молитовку...

Ветра почти не было. Только морозец крепчал. А, может быть, это обеденные каллории уже выветривались из меня по пути.

Часа через два поднял воротник ватного бушлата и потуже натянул на голову ушанку. Однако заметно холодало.

Ещё, примерно через час, пришло время свернуть с тропинки и топтать, проваливаясь по снежной целине. Всё реже попадались лыжни проходивших тут охотников...

Белое безмолвие сибирской тайги. Фото из личного архива автора.

Потом начало темнеть. Север Томской области, зимой день совсем короткий. И сумерки до неузнаваемости изменяют видимую местность.

Вдруг в голову начали заползать неприятные тревожные мысли. А вдруг заблудился?! А, если замёрзну тут?! Ведь никто не найдёт до утра, а может и дольше. А, если волки?!

Стало не по себе. И тут провалился по пояс в снежную яму. Руками гребу, одну ногу вынимаю, вторая утопает в снегу. Такое мягкое снежное болото.

Начал молиться. Начал замерзать. Продолжаю разгребать руками сугроб и чувствую, устал. Хочется расслабиться, отдохнуть, хочется пить, но ем снег, а он не утоляет жажду. С лица струится горячий пот, а руки, ноги мёрзнут и мёрзнут...

Вдруг пронзает мысль. А ведь я по своей воле решился пойти в скит. Благословение настоятеля не брал. Это моя гордыня меня потащила. Я в душе осудил ребят, что никто не вызвался отнести телеграмму. И я, такой «герой», двинул в одиночку по зимнему лесу...

Стало ещё поганей на Душе, страх и отчаяние теперь поселились где то в солнечном сплетении и ныли сильнее голода и жажды...

И тут что то перевернулось в сознании. Вокруг тишина, белое безмолвие, темнота и холодища.

А мне вдруг стало как то спокойно, или скорей безразлично. Куда то растворился страх, ушла тревога и паника. Подумалось. Ну, усну, ну замёрзну, что с того? Что я? Первый или последний дурачина на белом свете?

Совсем расхотелось есть и пить. Как то даже стало теплей и расслабленней, осталось одно желание – просто уснуть.

По привычке поблагодарил Господа за такую тихую и безболезненную смерть. Улыбнулся, по небритой щеке сама собой покатила слеза. Себя не было жалко. Было жалко мать. Мою мать и мать Вадима...

Сквозь вязкую дремоту услышал какой то треск... Непонятно, что это было... Может косолапый бродит по лесу, не заснувший или разбуженный охотниками в берлоге. Или ветка сломалась от мороза. Выбираться из сугроба не было ни сил, ни желания. Сам в себе заметил, опять появился страх. Заснуть и замёрзнуть – это одно дело, а вот сидеть по пояс беспомощно в снегу и смотреть, как меня сейчас будут рвать и грызть, совсем было страшновато.

Далёкий треск перерос в непрерывный шум. Но ещё было непонятно, что это там... Вдруг увидел тонкую полоску мерцающего света.

Отупевший ум догадался. Это едут охотники на снегоходах. Наверное возвращаются в посёлок или в охотничий домик на зимовье...

Дальше всё понятно. Начал орать, что есть силы, звать... Соображалось уже плохо, Будто и мысли умеют замерзать, как ледяная вода. Плохо помню дальше.

Услышали, подобрали, отвезли в монастырь. Там никто ничему не удивился. Затопили в одном из домов баню.

Свято-Никольский монастырь зимой. Фото из личного архива автора.

Парили меня, чаем отпаивали, мёдом кормили. Игумен откуда то притащил самогонку. После бани вытерли насухо мне тело и втёрли в него алкоголь.

Стало жарко. Но вместо сна пришли мысли. Удача, совпадение, спасение, случайность – всё это тоже имена Бога. Значит, судьбой мне не было отпущено глупо заснуть в лесу и закончить на этом мой земной Путь.

Телеграмму я не доставил. Вадим сам узнал о ней, когда пришел через два дня в монастырь. Пришел на лыжах, по умному. Благодарить меня не стал за попытку сообщить ему раньше о болезни мамы. Просто зашел ко мне в общагу строителей и сказал тихо – Ну и дурак же ты, Андрюха. Не смелый и добрый отзывчивый герой, а полный круглый дурак.

Я промолчал. Он был прав.

АВИ 2016

Что такое на самом деле моя жизнь?

История вторая

Мне помогло в этом вопросе исследование моих личных чувств, мыслей и ощущений. Итак. К сути вопроса.

К чему стремятся все люди?

Что реально, а что иллюзия?

Как получить желаемое поскорей и с меньшими затратами?

Как сохранить и приумножить, а не потерять?

Вот эти вопросы и будем сейчас исследовать и пытаться ответить на них себе честно, без эмоций и беспристрастно.

Люблю смотреть на воду. На льдины, которые важно плывут мимо меня. На ледоход. Треск сталкивающихся лбами громадин, какие то хлопки, хлопкания, и вся эта война мимо, мимо, мимо... Это весна мощно двигает свои вечные законы.

В моей душе тоже весна. Вокруг никого, кроме живых, проплывающих льдин. Хотя нет, за спиной, где то далеко, залаяла собака.

Сажу на ржавой барже, на зиму намёртво привязанной к берегу цепями. Уже прохладно. От реки тянет мокрой свежестью. Так можно запросто простыть. Но уходить не хочется. Раз в неделю, в воскресенье, после обеда прихожу сюда. Сажу на старой скамейке, кто то добрый водрузил её на баржу. Просто смотрю...

Весенний ледоход на реке. Фото из личного архива автора.

Около трёх лет я живу в монастыре. Наблюдаю за собой, молчу, молюсь. Мне не скучно.

Почему то вспомнился рассказ батюшки-настоятеля, что это место свято. Здесь, в гражданскую войну, топили посередине сибирской огромной реки баржи с трюмами, наполненными живыми людьми. Белогвардейцами.

Поэтому земля здесь, и вода, и даже сам воздух свят от страданий и ужасов глупой жестокой войны.

Именно поэтому тут выбрали место для постройки монастыря.

Как интересно ведет меня судьба. А я то что здесь делаю? В этой таёжной деревне. Среди лесов, вдалеке от цивилизации, семьи... Зачем я здесь?

Тогда всё по порядку...

В три часа ночи ранняя молоковозка привезла меня домой. Добрый водитель попался. Подвёз с пригорода до центра города. Даже денег не взял.

За плечами тяжёлый рюкзак, набитый продуктами... Везу домой гостинцы, вернулся в командировки... Три месяца не был дома. Там жена, в кроватке спит маленький сын... Я очень соскучился... И очень устал без любимой, без семьи...

Смотрю на окна своей квартиры. Странно... Горит свет. Три часа ночи... Что это? Ребёнок заболел? Что то случилось?

Предупредить, что сегодня ночью приеду не мог. Сам не знал, что приеду.

Смотрю на свежесвыпавший снег у подъезда. Следов людей и колёс нет. Значит, скорая не приезжала. Что там, дома?

Сердце забилось чаще, дыхание стало прерывистым, неровным.

Поднялся на пятый этаж. Перед дверью встал отдышаться, звоню...

Открыла жена. Полуравнодушный тихий голос – А, приехал?... Ну проходи, у нас гости... Есть будешь?

Такое ощущение, что меня не особо то ждали... Не был трит месяца, а встречают, будто я за хлебом ходил на полчаса...

Неприятный холодок по спине и тревога поселяется в солнечном сплетении...

Заглянул в комнату, в полумраке под ночником, в кроватке спокойно спит сын... Всё в порядке... Что я так разволновался? Откуда это противная тревога в желудке?

Захожу на кухню. Накурено, сидит знакомый народ, парни, девчонки, пьют пиво, бренчат на гитаре. Три часа ночи. Всё в норме.

Вспоминается, как встречала меня жена с первых двух длительных командировок. Бежала по перрону вокзала, счастливая, растрёпанная, влетала в мои руки с размаху и мы целовались... Так было первые два раза...

А теперь... Вот откуда тревога и этот комок в желудке... Что то изменилось... Что то уже не как прежде...

А что было дальше? Что то в нас сломалось. Она привыкла к моему отсутствию. Я пытался вернуть былое. Уволился с командировок... Безработица, кое как воткнулся грузчиком в продуктовый магазин возле дома.

Это не помогло... Я не верил в возможность измены. Я понял, что охлаждение уже никак не остановить. Не отогреть то, чувство, которое было вначале. А, может его и не было. Голова шла кругом, тосковал, просил, дарил цветы, видел с ужасом расширяющуюся трещину в семье.

Всё, как у всех. Были ночные разговоры, выяснения отношений. Это только усугубляло процесс нашего разлада.

При любой возможности жена убегала на кофе к подружкам. Обидно было, что сам же познакомил их, чтобы ей не было так одиноко, пока я в командировках.

Когда была дома, то читала книжки, молчала, занималась ребёнком. Я стал просто зарабатывателем денег, мебелью, со мной вдвоём ей было скучно.

Видеть было невыносимо. Молчать было невыносимо. Начал выпивать после работы. Задерживаться. Она не ругалась, не спорила. Просто молчала. Это был полный крах любви и семьи.

Однажды я приехал на машине друга, собрал личные вещи и ушёл из развалившейся семьи. Терпеть этот холод было уже невозможно. Вернуть чувства, я понимал, не получится. А притворяться и врать сил не было.

Потом съемные квартиры, одиночество, тоска.

Было очень холодно. Ноябрь. Зашел погреться вечером в церковь. Домой не хотелось. Меня там никто не ждал. Сел посидеть на лавочку...

Когда храм опустел, ко мне подошёл какой то бородатый дед в длинной рясе.

– Извините, церковь закрывается, приходите завтра.

Я посмотрел ему в глаза и вдруг заплакал. От бессилья, от тоски, от нежелания жить...

Когда я немного очнулся, мы уже сидели в помещении церковного подвала. Пахло едой. Бородатый дядя говорил малоизвестными словами – «трапезная», «молитва», «епископ», «литургия»... Я что то так хорошо отогрелся, поел, и хотел только одного – остаться ночевать здесь и скорее лечь спать.

Утром я пришел в приёмную главного священника Сибири. Рассказал свою историю. А вечером того же дня уже ехал в другой город по заданию епископа работать там при церкви... Появилась какая то надежда, смысл жить и интерес к происходящему.

Поезд шел 6 часов. Всю дорогу учил наизусть свою самую первую и короткую молитву «Отче наш». Жутко хотелось курить. Но терпел.

Это было начало моей новой, совершенно неизвестной жизни.

Потом работа дворником, сторожем, звонарём, смотрителем семинарии, пение на клиросе, работа редактором областной православной газеты. Меня закрутила новая жизнь, новые перспективы, новая работа, учеба в семинарии, поездки в Москву, по Сибири... Семья потихоньку забывалась, особенно в днём и в праздники. А ночью продолжало всплывать и болеть.

Через год, ровно на Пасху, ко мне пришло решение уехать из шумного Томска в отдалённый северный посёлок на строительство монастыря.

Нашлись деньги на дорогу, вещей у меня почти не было. Маленький чемоданчик, библия, пара икон (Андрея Первозванного и Богородицы со Спасителем) и большой деревянный крест ручной работы на груди под подрясником.

И снова в путь...

Самое удивительное и забавное было то, что когда я высадился из автобуса и дошёл до переправы через реку, то увидел, нет ничего. Ни парома, на катеров, совсем ничего.

Только мерный треск и гул идущего по реке льда. Я приехал на берег весной. Река только что вскрылась от сна. И я не знал, как мне быть. Где тут есть ночлег, какойнибудь тёплый дом, где мне приклонить голову и что делать дальше?

Пустынный берег, шум ледохода, мороз, и я, сидящий на своём чемодане в раздумьях. Полный тупняк, отсутствие мыслей...

Решил помолиться и спросить совета у Господа. Полез в чемодан за молитвословом. И наткнулся на бутылёк с одеколоном. Мелькнула мысль. – Вот это поможет мне согреться.

Заранее весь сморщился и вылакал зелёную жидкость всю сразу. Закусить было нечем, но стало теплей. Я подхватил чемоданчик и двинулся вверх от берега, в надежде увидеть в наступающих сумерках хоть какие то огни...

Километра через два и правда, появились далёкие огоньки. Добрёл до них и понял, что это заброшенный лесозавод. Из трубы шёл густой чёрный дым и стало понятно, что это котельная. И главное, что она работает на удивление и наверняка в ней кто то есть живой.

Подрясник был заляпан грязью до пояса. Чемодан тоже. Я вошел. Пара удивлённых глаз уставилась на меня. Это был кочегар.

Познакомились. Я присел, он предложил выпить. Я отказался, согласившись только на чай.

– В монастырь хотели попасть, – поинтересовался кочегар.

– Да. Но вот не знаю как, – улыбнулся я.

– Завтра с утра пойдёт на тот берег катер с рабочими. На нём и переберётесь. – обнадежил меня хозяин котельной.

Это была самая незабываемая ночь в моей молодости... Грязного, бородатого, напившегося чая гостя кочегар определил на ночлег на пыльные угольные котлы. Подо мной грозно гудело и бушевало пламя, а я лежал на котле счастливый, согревшийся. Погружаясь в сладкие сновидения.

Автор в годы пребывания в монастыре. 1990 – 1992 г. Фото из личного архива автора.

Утром мы снова попили крепкого густого чая. И я побрёл на берег. Там мне стало неловко. Толпилась кучка рабочих в ожидании катера. С любопытством разглядывали меня, матерились, смеялись и курили.

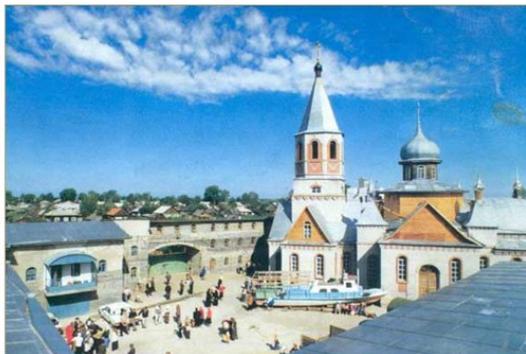
Денег за катер с меня не взяли. Он был рабочий транспорт. Как мы лавировали между льдин, это очень интересно и опасно, но, в итоге, и это закончилось.

На другом берегу мне стало удивительно спокойно, бодро и даже немного весело. Видимо, чай кочегара был хорош. Опасности и неловкости миновали...

Я шел по деревне. Спрашивал пару раз дорогу до монастыря. Пока сам не увидел куполки храма и монастырские стены. Опять стало как то неловко, ведь никто не предупрежден о моем приезде. Вошёл в ворота, и меня встретила матушка Ирина, которую я видел частенько в Томске на службах.

– О! – удивилась она, – Андрей, тебя что ли с шугой по реке из Томска принесло?

Мы посмеялись вместе. И немногословная матушка – настоятельница отправила меня покушать в трапезную... Затем в общежитие отдыхать.

Наш монастырь в Пасхальную Седмицу. Фото из личного архива автора.

Тогда я думал, что это было концом моего длинного приключения – путешествия. Однако это было только началом.

Кто, зачем и как?

История третья

До приезда в монастырь, жизнь в нём была скрыта от меня некой завесой таинственности, необычности и туманом предположений.

Я не знал, как туда попадают, почему избирают этот странный путь, что там ищут и чего хотят.

Первые пару дней в монастыре я просто наблюдал, приглядывался, прислушивался... Выбирал для себя оптимально приемлемый режим существования.

Распорядок дня прост. В шесть утра монахи собираются на утреннее правило в храме. Кто то читает молитвы и поёт на клиросе. Другие просто стоят, молятся и слушают в церкви.

Обычные люди, миряне, послушники, строители и гости могут на утреннее правило не ходить. Если нет на это особого благословения настоятеля. А могут и приходить, если есть желание или потребность.

В нашем общежитии рабочие в это время все просто спят. После пробуждения вереницей топают на завтрак в трапезную раньше всех.

А в церкви в это время уже идёт литургия, монахи кушают только после службы, и никак не раньше.

Два дня я просто спал, ел, гулял по территории монастыря, ходил в церковь ради интереса. Короче, успокаивался, обживался и не спеша становился своим.

На третий день почувствовал необходимость заняться хоть каким то полезным делом, а не просто болтаться тут.

Вечером, перед отшествием ко сну, все жители монастыря, монахи и приезжие паломники собирались в храме, чтобы взять благословение настоятеля на отдых. Иногда игумен давал при этом личное напутствие на работу, на отъезд домой или просто благодарил за что

то... Можно было сказать о своей просьбе или задать личный вопрос... Самое удобное, спокойное и хорошее время для этого.

Когда подошла моя очередь подойти к батюшке, то я сложил ладони лодочкой, поклонился, поцеловал большой крест в руках священника и задал свой вопрос отцу Иоанну...

– Отец, благословите на какое-нибудь послушание, – негромко попросил я.

– Ну, а сам ты что хочешь?, – отец внимательно посмотрел мне в глаза.

– Не знаю, что скажете, то и буду делать

– Попробуй пока помогать на стройке, а там поглядим.

Я кивнул, поклонился и отошёл.

Долгожданное благословение послушнику на ношение иноческого подрясника. Фото из личного архива автора.

Вечером на улице так тихо, хорошо и спокойно. После церкви на улице весенняя прохлада, комаров ещё нет. Можно присесть перед сном на дощечку, побыть одному, посмотреть на небо. Как хорошо, когда нет волнений, мыслей, страстей, никаких тревог и срочных планов. Спешить совсем некуда и незачем. Жизнь идёт сама. Спокойна и проста.

Раньше никогда не думал, кто чаще всего населяет такие места. Кто живёт временно или всю жизнь при монастырях. Узнал только тут.

В основном это самые обычные люди. Чаще со сложной, извилистой судьбой. Те, кто сильно пил, страдал, потерял себя и не видел выхода. Или устал в миру и уже не мог и не хотел жить по законам суетливой цивилизации. Те, кто отсидел срок и потерял жильё. Те, кто потерял надежду, любовь, здоровье или близких. Те, кто устал носить маски и устал притворяться обычным. Те, кто был обманут, или те, кто боялись себя. Фанатично верующих адептов православия на самом деле тут не встретил.

Люди улыбчивые, часто молчаливые, спокойные, простые и искренние. У многих глубокие, грустные глаза. Ученых болтунов и умников тут тоже мало. Жизнь самая простая, тихая, без спешки, размеренная, самая обычная. Без чудес и важных событий. Каждый знает, что ему делать сегодня, завтра, и не суетится по пустякам.

Особенно это заметно, когда приезжают гости из городов, паломники или просто шумные «туристы». «Туристами» тут называют тех, кто сам не знает, зачем сюда прибыл. Не знает, что хочет. Не знает, что что ищет. Путешественники и искатели истины.

Чаще всего люди приезжают сюда с другими целями.

Найти успокоение от бед, безнадёги, исцелить больную, уставшую душу. Получить крышу над головой, тёплую одежду, поддержку, или просто кусок еды, чтобы выжить.

Есть такие бабушки и дедушки, которые принимают монашество, чтобы занять себя на старости лет, и почувствовать, что они ещё кому то нужны и полезны. Ощутить заботу

и дать заботу другим... Подготовиться к смерти тела... Очистить душу покаянием от земных страстей и прошлых грехов...

Монахиня беседует с мирянской. Фото из личного архива автора.

С утра вышел на работу со строителями. Таскаем носилки с раствором и заливаем монастырские стены. Приятно стать нужным, полезным. Жара ещё не наступила. Месяц апрель.

Подходим в паре к бетономешалке, накладываем в носилки раствор и идём по мосткам всё выше, чтобы наверху вылить содержимое в опалубку.

Говорить с напарником особо не о чем. Поэтому молчим и в уме молимся. Таскаем и молчим.

Время обеда. Топаем в трапезную. Кушаем. Потом у нас есть часик передохнуть. Это моё любимое время. Захожу в пустой храм. Ложусь на скамейку. И сладко так засыпаю.

Очнулся от голосов. На стройке уже кипела работа. Потягиваюсь, выхожу и присоединяюсь к напарнику. До темноты таскаем носилки, ужинаем. И на благословение к батюшке. Потом общага, кровать, сон. Так всю неделю. На выходные и в праздники не работаем, ходим на службу. А после обеда в воскресенье иду гулять на берег. Сидеть на старой барже. Смотреть на движение большой реки. На чаек. Слушать успокаивающее бульканье и журчание воды. И молчать.

Через какое то время по выходным стал читать молитвы на клиросе и петь в хоре на службах. А в будни всё по прежнему. Стройка, трапезная, сон. Иногда заходят в голову мысли о прошлой жизни. О бывшей жене, о сыне. О матери. Это ненадолго будоражит нервы. Вызывает в душе горечь и боль. Тогда начинаю усердней работать и молиться. Сохрани моих близких Господь. А я им помочь уже не могу ничем. Я сам ещё очень нездоров душевно.

Монах на амвоне монастырского храма. Читает святыи церковные тексты. Фото из личного архива автора.

Монастырь это и есть Лечебница для душевно раненных, душевно больных, душевно уставших и исцеление тут идёт незаметно. Не быстро. Исцеляет тут сам Бог, покой и христианская тихая любовь окружающих.

Здесь нет истерик, очарований, разочарований, суеты, больших надежд и планов. Страхи и тревоги сами растворяются в простоте и чистоте обычной жизни...

Так в работе, службах, относительно спокойствии и смирении прошёл первый год. Потом прошёл второй, потом третий... Лето, зима, лето, зима, весна...

Великий Пост на исходе. Скоро Пасха. Конец апреля. Пригревает. Птички поют. Солнце искрится в куполах. Тепло и тихо.

Воскресение. Сижу во дворе. Смотрю на небо. Сегодня не работаем. Выходной.

Прислушался к себе. Что чувствую? Тишину, свободу и покой.

Монастырские ребяташки – ученики церковно-приходской школы монастыря. Фото из личного архива автора.

Подходит молодой парень. Он иногда тут помогает нам на стройке. А в выходные гоняет по деревне на мотоцикле.

– Привет, Андрей. Тут у меня дело к тебе.

– Говори...

– Мать Ольга просила тебе передать, чтоб ты зашел к ней домой. Садись на мотоцикл, я подвезу..

– Да нет, ты катайся, я пешком прогуляюсь, недалеко...

Я несколько удивлён. Зачем меня приглашает эта послушница? Обычно мы даже с ней только здоровались, но никогда не разговаривали ни о чём. Странно..Но, раз просит, зайду.

Святые отцы. Фото из личного архива автора.

Когда зашел в дом, всё сразу понял. На столе бутылка самогона... Ольга уже пьяная.

Сел. Молчу. Потом тихо выдавил из себя – Зачем звала?

Ольга глянула мутными глазами и молча положила голову мне на колени.

Первая пришедшая мысль «Пропал. Вот я и пропал»

Без лишних слов наливаю полный стакан, залпом опрокидываю в себя. И слушаю свою Душу. Душу не слышно. Её перебивает колотящееся сердце. Сразу захотелось курить. Очень..Очень...

Дальше можно не рассказывать. И так всё понятно. Но расскажу...

Я не устоял. Был блуд, был секс, был грех...

Послушница Ольга расслабленная, вялая, мирно спала, захрапел на полу. Поднял её, перенёс на кровать. Укрыл. Пусть спит.

Абсолютно протрезвел... Стою. Не знаю, что теперь делать. Мыслей ноль, в голове тупняк и опустошение. На сердце мрак, в душе холод. Даже страха нет, как буду рассказывать это на исповеди... Пустая голова и полная тупость.

Курить расхотелось. Вышел из дома. Медленно побрёл обратно в монастырь. Тихий покой, спокойная радость и свобода улетучились. Это работает грех...

Пасхальный колокольный набат. Фото из личного архива автора.

Так прошёл этот безумный день. Потом бессонная ночь...

Утром подошёл к настоятелю и спросил благословения покинуть монастырь. Он ничего не ответил, просто отошел от меня, будто глухой...

Увидел во дворе матушку игуменью, настоятельницу Ирину... Она подошла ко мне, перекрестила.

– Матушка Ирина, как думаешь, скучает по мне моя бывшая жена?

– Да что ты? Давно забыла она о тебе. Столько лет прошло. Жизнь ведь не стоит на месте. В миру заботы, хлопоты, проблемы, разных дел куча. Не до тебя ей, – с доброй улыбкой ответила монахиня.

Вдруг что то прояснилось в уме. Как озарение какое то. А я ведь и правда понапридумал себе, целых три года фантазировал, что нужен семье до сих пор. Что приедут за мной. Или позовут. Простят и попросят вернуться домой, к сыну. Да никто меня там не ждёт. Только матери и Богу ещё нужен.

Следующим солнечным утром уже шагаю на паромную переправу. На душе снова спокойно, легко и пусто. Меня уже ждёт новая мирская жизнь. Бороду потом, дома, сбрую. Мне 30 лет. Молод, здоров, бодр, красив.

Монастырская эпопея закончилась. Душа не болит больше... Лечебница душе помогла. Спасибо ей...

На прощание настоятель, давая мне деньги на проезд, негромко заметил – А умирать всё равно в монастырь вернёшься...

Я не ответил. Я был уже не здесь... Я живой...

Прощальный взгляд на великую сибирскую реку, ставшую родной. Фото из личного архива автора.

Рассказы

Сибирский дальнёбой Рассказ.

Посвящаю моему трагически погибшему другу детства ИЛЬЕ СЕРГЕЕВУ.

В монастыре то жизнь, конечно, попроще. Коммуна. Деньги не нужны. Накормят, оденут, обуют, и спать есть где.

А вот в обычном мире понятно, что без финансов никуда. Вернулся я из монастыря и побрёл работёнку искать. В стране безработица, хаос, кризис и полный бардак. Вот эта история примерно в то время и приключилась. Расскажу, как было, без лишних предисловий.

Был у меня лет десять назад друг. Звали Игорем. Почему «был», в конце рассказа сами поймёте. Познакомились мы с ним в автоколонне завода одного. Шоферили вместе. Он там на КамАЗе в гараже, а я на машине помельче. Ну, сами знаете, у шоферов пятница – день святой. Нервы расслабить, потреться обо всём. Короче, в одну такую шоферскую пятницу и сдружились.

Сидели с мужиками после работы, выпивали, колбаской с зелёным лучком хрумкали. Как водится, никто никого не слушает, каждый про своё, наболевшее норовит встать. Перекрикивают друг друга, обычные такие посиделки пятничные. Народ основательный, понимает, что пятница не вечная, за ней похмельная суббота, а в воскресенье всухую нужно отлёживаться. Потому все стремятся в пятницу по полной оторваться после трудовой недельки.

Я тоже что-то пытался своё в общий разговор вернуть, но были и по-горластей и по-опытней меня водили. Вижу бесполезно, и просто сажу, накатываю.

Смотрю, не один я такой. Есть ещё мужик, тоже малоразговорчивый. Оказывается, он мало говорил, не потому, что ему нечего сказать было. Просто заикался он сильно от контузии. Но пил и закусывал не меньше.

В Армии в горячую точку попал и и выручал взвод своих солдатиков из-под огня, потому, что прапорщиком служил. Там и случилось у него контузия с осложнением на речь. Затем комиссовали его по профнепригодности из войск и подался Игорь шоферить.

Мне скоро пьяные базары коллег надоели, предлагаю Игорю, мол, давай продолжим от толпы подальше. А сидели мы в чьём-то личном гараже, недалеко от завода. И на природу захотелось, по нужде как раз...

Попрошались с коллективом до понедельника, взяли маленько в магазине местном, и закусь, и чем её запить. Отошли в перелесок возле железной дороги. Присели на корягу, там и рассказал Игорёха мне свою историю. Про горячую точку ту, про заикание, про свою мечту заветную и вообще нормально так посидели. Уж и не помню, как домой дошли.

Короче, в понедельник врачуху в гараже проходить – а мы в полном порядке. И без давления, и без запаха. Мечта у Игоря была – стать дальнёбойщиком. В стране, как всегда, безработица, кооператоры, ООО, ЗАО, заводы или не платят или банкротятся, ну и всякая такая хрень. Дальнёбойщиком можно только по знакомству, не иначе...

Ушёл вскоре Игорь с заводского гаража, там какие-то задержки по зарплате начались. Ну и я куда-то в другое место свалил оттуда. Но дружить не перестали. По пятницам встреча-

лись на нейтральной территории, сидели за пивком и покрепче тоже не брезговали. Он неженатый, и я такой. Ещё третий парнишка к нам почти сразу прибился. Также шофер. Смешливый, неунывающий. Но глаза грустные. Худой весь, щуплый. Потом узнал, что он тоже в десанте служил, как и Игорь.

Летом ездили на природу к Игорю на дачу. Тащили сумки с провизией и «горючим». Игорь такой «бык» по виду. Шея короткая, походка вразвалочку. Покушать весьма любитель. А вот я и Ромка мало ели. И пьянели быстрее...

Дача недостроенная, зато с крышей. Печка там русская, три кровати, бельё сыроватое, но чистое в шкафу, холодильник старинный «МОСКВА», стол круглый. Воздух сосновый, освежающий, но зимой туда не пробраться. Вся дорога замечена снегом с самой станции электрички. А вот летом собирались мы там частенько, неразлучных три товарища-водилы и замирали на время.

Особенно в долгие праздники там хорошо было. Хотя и баня там развалилась и за водой далековато на колонку ходить. Но это терпимо, в общем мелочи. Главное, покой и тишина. Вечерами песни под гитару пели, закусывали картохой варёной с килькой в томате. Такой русский рай. Правда, без женщин. В дефиците приличные мадамы. Бывало, вечерком выйдем на крылечко – красота... Можно даже в трусах... Если соседей нету...

Но вот мечта та у Игоря не прошла. Нашёл какого-то коммерсанта со старой «фурой», двадцатитонная вроде машина «КрАЗ» с будкой. И начал её перебирать, под себя ремонтировать. А коммерсант за это обещал его на дальнбой в Якутию с товаром отправлять. И по зимнику и по летнику.

Однажды звонит Игорёха и говорит:

– Слушай, мне через неделю в Мирный (Якутия) ехать. Напарника нет. Ты как?

– Ну, как? – отвечаю. – Если зовёшь, я с тобой.

К слову добавлю, что в то время не один я жил а с дамочкой. Она может и любила меня, не знаю. Но хозяйственная, отзывчивая, нравился я ей очень. Короче жили уже года два.

Думаю, как ей сказать-то? Этот рейс ведь не на один день. Придётся с работы увольняться. Да и на вряд ли встретит эту новость радостно. А мне так хотелось на дальнбой, романтики шоферской, Сибирь, тайгу посмотреть и людей новых. Да и не ездил я на грузовой машине так далеко. Заработок Игорь пополам обещал.

Вечером пришла дамочка с работы, докладываю ей прямо, как есть...

– Игорь собрался в Якутию груз везти, меня напарником зовёт. Одному ему тяжело, шесть тыщ километров и без охраны. Подзаработаю заодно.

Короче, гражданская жена против, типа:

– Едешь в такую даль, опыта нет, там на дорогах грабежи и холод. Пропадёшь там, с этим Игорем. Вечно тебя тянет в сторону от дома. Это даже не работа, а глупая затея и пустое.

Но, что поделаешь? Захотел в рейс и другу отказать не могу. Через неделю собрался и поехали.

Сразу скажу, что «КрАЗ» – это карьерный самосвал. Совершенно не приспособленный к дальним рейсам. К нему просто приварили рефрижераторную будку. И набили продуктами под завязку. Машина мощная, но не скоростная. В кабине шум, хуже, чем в тракторе. Спать негде. Игорь на сиденьях, я на полу. От шума голова не своя. И ползём с перегрузом. Но не довезти права не имеем. В дождь, и в грязь, по глине и песку, по щебню. Из области в область скрипим, но не ноём. Думаю :

– Когда же Игорь то мне даст рулить. Ведь вторые сутки почти без остановок шпарим. Завариваем доширак, чай литрами хлюпаем, деньги экономим. Магнитофон сломался. Радио в глуши нет. Только рёв двигателя.

– Игорь, ты же устал, давай я порулю. – предлагаю.

– Нет. Тут слишком опасно, У тебя опыта такого нет. Перегруз большой. Дороги кривые, скользкие, перевернёмся легко. Обрати поедешь ты.

Обычная картина на таёжных дорогах

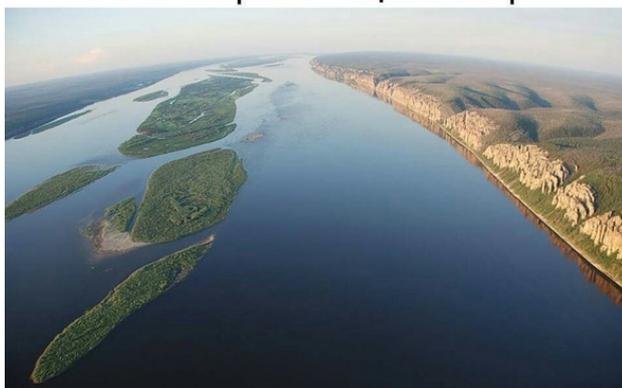
И правда, смотрю, на обочинах то «фура» вверх колёсами лежит, то бортовую в откос снесло... Ладно, едем, молчу...

Добрались до парома в Усть-Куте, по Лене плыть суток несколько. Дождище хлещет. Но в кабине хорошо, тепло и тихо. Капли по крыше тук-тук. Ветер возле речного причала мусор носит. Летает разная гадость. Пакеты целлофановые рваные, мокрые, пустые пачки из-под сигарет, обрывки газет, шматки туалетной бумаги, банки пивные жестяные сами с собой в футбол играют. Красота и сюрреализм в духе Стругацких. Стоим, ждём погоды и очереди на паром. Нам хорошо. Дальше нас повезут по реке. Затарились водкой, гуляем и спим... Теперь можно. Отдых...

Наконец то заехали на паром. Весело, машин много. Шофера все разные, со всей страны... Из машин музыка орёт, кто-то по видео кино смотрит. И красоты сибирской реки неопишуемые, когда отплыли... Наслушался там баек дальнбойщиков матёрых... Хоть роман пиши...

По Лене сплавлялись, наверное, дней пять. Эти места прекрасны и в штиль и в грозу.

Лена – красавица Сибири

Природу описать не смогу. Это видеть надо. То скалы отвесные, то холмы, то перекаты опасные, бурные, то мели тайные, скрытые. Медвежата на берегу разок играли, сам видел. ...Кстати, в тех местах снимали прекрасный советский фильм «УГРЮМ-РЕКА», там Синильга была – даже на берегу памятник ей есть. В общем, места странные, заповедные, малолюдные, дикие.

На пароме тоже интересно.

Много якутов, и уже учёных и совсем дремучих. Водилы все перезнакомились, сдружились. Один друган мой ходит, как туча мрачный. Молчит или огрызается...

Я всегда на берег хожу, когда мы в селения местные причаливаем, наблюдаю за людьми, животными, домами, хозяйством. Так всё необычно, своеобразно. Например, никогда не видел в деревнях наших столько чистокровных лаек, больших, пушистых, наверное ездовых. Ещё заметил, к подходу парома все сельские жители готовились, как на праздник. Важно так, местные национальности одевали бусы, а мужчины сапоги блестящие...

Игорь в основном не ходил на причалы. Обычно в кабине спал. Правда, потом меня приютил на время сплава один добрый водитель, он ехал один и у него, в СУПЕРМАЗЕ было два спальника.

Ещё вот достопримечательность. Есть посередине реки Лена остров. Небольшой островок, с песчаными отмельками, тихими заводьями, без скал, поросший скудной растительностью, за исключением нескольких высоченных корабельных сосен.

Так вот. Рассказывали местные, что на том невеликом островке свил себе гнёздышко старичок-лесовичок. Дед Фёдор, кажется. И, если хорошая погодка, может тот древний отшельник выйти на бережок островка и приветливо помахать проходящим судам или паромам.

Ещё рассказывали бывалые дальнбойщики, что весной на пароме страшный случай был. С перепою или недосыпу сел водитель за руль тяжёлой гружёной «фуры». Завёл машину и поехал на перилы. Перескочил через рельсу ограждения и бултых в Лену. Так и ушёл на дно. Потом, конечно, вытащили утопленника, чтобы домой отправить и захоронить. Лена шуток не любит.

Вот небольшая справка из Википедии:

«Ле; на (якут.;л;нэ, бур. З; лхэ) – река в России. Лена самая крупная сибирская река. По мировым меркам она десятая по длине река в мире. Длина реки, от истока до устья, 4 400 км. Впадает в море Лаптевых Северного Ледовитого океана. Лена – самая крупная из российских рек, чей бассейн целиком лежит в пределах России. Также это крупнейшая река в мире, полностью протекающая в районе вечной мерзлоты.»

В итоге, пришвартовались мы к причалу назначения. Название не помню. То ли Якутск, то ли Ленск, то ли ещё какой там причал. Съехали с парома. И тут началось самое весёлое...

Вся трасса от причала до Мирного разбита тяжёлыми грузовиками, бензовозами, «фурами» и тракторами.

Перевернуться тут «нефиг» делать. А у нас перегруз несколько тонн долбаной колбасы и остального скоропортящегося барахла.

Несколько раз мне приходилось вылезать из кабины КраЗа и смотреть, как Игорь на машине осторожно «ползёт» по склону. Отслеживать каждый метр движения.

Тогда мы даже говорить боялись. Только жестами давали друг другу понять, куда повернуть или остановиться вовсе.

В итоге, доставили мы те сыры и колбасы в край алмазостарателей город Мирный. Выгрузились на складах. Отоспались малёха. И надо назад, в домашние края, груз искать. А что оттуда, из Якутии вести то? НЕ меха же песцовые с красной икрой и не алмазную руду в продуктовой будке. Кое-как нашли какой-то металлолом, тонн шесть. Лишь бы порожняком такой тягач не гнать в обратный путь.

Мой друг Игорёха у коммерсанта, прилетевшего самолётом, получил все денюжки в оба конца. И выдаёт мне:

– Андрюха, ты машину не вёл, за рулём не сидел, а порожняком я её и сам быстренько назад отгону. – Не намекает, а прямо говорит, что деньги за рейс делить не будем. Типа я просто с наслаждением попутешествовал на КраЗе. Мне тогда и понятно сразу стало- чего он такой мрачный да угрюмый по парому то ходил. Делиться неохота, зачем ему лишний теперь пассажир.

Ничего я не ответил. Просто забрал свой термос с чаем и ушёл к тому попутчику, который меня приютил на сплаве.. Он с Абакана, сколько может подбросит. А с Красноярска как-нибудь на попутках доберусь. Добрых людей много ещё на Руси, особенно среди простых работяг.

А вот ехать неделю рядом со жлобом я бы не смог.

Так вот и закончилось наше дружанство с Игорёхой. Больше я его не встречал. Да и не хочется...

Да пусть он в дорогах своих поменьше таких, как сам, встречает. Удачи ему и лёгкого Пути!

Денег я не заработал, но столько живой красоты повидал, людей разных, природы. И мало, наверное, кто лично стоял на краю огромной алмазной кимберлитовой трубки «МИР». Вот там дыханье от величественного страха и восторга замирает. А я постоял!!!

Женская доля Рассказ о самом светлом человеке

Посвящается моей самой дорогой, навеки горячо любимой, родной бабушке Вале. Храни её Господь. И да будет ей земля пухом.

Моя любимая бабушка. Валентина Дмитриевна Колесникова. 1977 год. Храни тебя Господь и вечная память. Фото из личного архива автора.

Её мать, русская оперная певица, отдала трёх своих дочерей в детский сиротский дом Петербурга ещё при царе Николае Втором. В 1913 году.

Так вышло, что певице нужно было срочно уезжать на гастроли за границу. А маленькие дети были бы там обузой. Оставить в России их было не с кем.

Так маленькая трёхлетняя Валечка оказалась в детском доме, который находился под патронажем самой Светлой Царицы. Царица сама часто приезжала в приют, навещала питомцев, обычно следила за порядком и питанием детишек. Ну, и конечно, подарками дети обделены не были. Особенно в православные праздники. Полный пансион плюс воспитательница немка Марта.

Марта была чистокровной немкой. Со своими обычаями и привычками. Например, бабушка рассказывала мне, как обычно за столом в трапезной сидят дети, обедают. За их спиной ходит Марта и приговаривает.

– Кушайте хорошо, дети. Если хотите пукнуть, пукайте. Газы держать в себе нехорошо и вредно.

Так проходило детство. Потом случилась революция. Подросшие дети поступили кто куда. Кто учиться, кто работать. Раскидало их смутное время.

Валечка окончила какие то курсы и завербовалась на заработки на Дальний Восток. Там всегда требовались рабочие для обработки рыбы.

Сестры разъехались по всем концам огромной России. Одна во Львов, вторая в Тирасполь.

Валечка работала во Владивостоке. там и познакомилась с будущим мужем. Мой дед Алексей Григорьевич был моряком. Работал на флоте. Добывал в бескрайних просторах Тихого океана себе заработок на рыболовецком судне.

Ещё он был непоседой. Менял суда, переходил из одной команды в другую. Искал себе лучшую долю.

Вот так однажды они и познакомились. Он отдыхал на берегу после очередного плавания. Зашел в местный морской клуб на танцы. А тут и Валечка.

Поженились. Через год родилась моя мама. Во Владивостоке. Вале было уже 29 лет. Это был первый ребенок.

Потом война. Сумбур, разруха. Голод. Работа на рыбзаводе с утра и до полного изнеможения. Без праздников и выходных. Фронту нужны были консервы, и рыбообработчики работали не жалея себя.

Потом Победа и начались странствия семьи Колесниковых. Тут всюду развернулся непоседливый характер деда. К тому времени родились ещё двое. Мой дядя Валера и тётя Лариса.

Несмотря на наличие малолетних детей в семье, дед любил срывать с насиженного мета и куда-нибудь ехать.

Обычно это происходило неожиданно. Все работают, дети ходят в садик и ясли. Приходит с работы дед и говорит жене Валентине.

– Собирай детей. Мы уезжаем.

Куда уезжаем никто толком не знал. Собирались наспех вещи, увольнялись с работы. Брались билеты на поезд и в путь!

Из-за вечной нехватки денег билеты брались самые дешевые. В общий сидячий вагон. Поезд часто останавливался на полустанках и подолгу стоял. Ехали столько, насколько хватало денег на дорогу и на продукты. Потом дед внезапно командовал:

– Выходим!

Семья с тремя маленькими детьми спешно выгружалась из вагона на вокзал и сидела на чемоданах. Валя раскладывала на полу вещи, так, чтобы уложить детей спать. А дед убегал куда то в незнакомый посёлок...

Возвращался к вечеру и говорил, что завербовался на какую то новую работу. Мол, договорился насчёт временного жилья.

В тесноте, да лишь бы не в обиде. На какое то время всё налаживалось, обживалось. Дети устраивались в садик, моя мама в школу. Опять все работали и жизнь приходила в норму. Но ненадолго.

Через некоторое время всё повторялось. Приходил с работы дед. Говорил, что уволился и получил расчёт. И нужно опять куда то ехать.

Однажды решили ехать к сёстрам Вали. Во Львов. Денег немного скопили на дорогу. Дети слегка подросли. Сорвались с места, бросили дом и поехали.

Сестра моей бабушки жила во Львове очень бедно и неустроено. Замуж так и не вышла. Детей не имела. К тому же, она стала инвалидом по зрению и за ней нужен был уход. Валентина устроилась на работу. Вечерами ухаживала за сестрой и детьми. Даже в обед прибе-

гала с работы, чтобы накормить и проследить за всем в доме. Ютились все в одной комнате 15 метров.

Деду дома всё не нравилось, начал выпивать, скандалить, обижать жену и её сестру. Но на работу не прогуливал. Детей пока не трогал. Каждый вечер приносил с работы шоколадку или конфеты.

Однажды пришёл вечером с работы злой и угрюмый. Не скандалил, а сразу лёг спать. Утром сказал, что нужно уезжать обратно на Дальний Восток. Мотивировал он тем, что на Сахалине теперь хорошие заработки. Мол, сестра Вали не пропадёт и без них.

Валя опять промолчала. Взяли билеты в общий вагон. Ехать почти 10 суток. Жара. Вонь. Скученность. Денег еле хватает на продукты и чай. В туалет вечная очередь. Поезд еле ползёт или стоит подолгу на каждом полустанке. В вагонах воруют даже самые никчёмные вещи. Тогда бабушка сказала деду:

– Знаешь, Алексей. Это наше последнее странствие. Дёргать детей я больше не дам. Приедем на Сахалин и там осядем.

Фото острова Сахалин снято с космоса. Взято с карты NASA, находится в открытом и бесплатном доступе. Второе фото морского побережья в районе города Чехова. Из личного архива автора.

Поезд прибыл на конечную станцию материка Советская Гавань, где паромная переправа с материка на остров Сахалин. Материк тут заканчивался и начинался Тихий океан. Край Света.

Все были унылы, вымотаны, дети простывшие и уставшие от долгой дороги. А ещё нужно было 12 часов плыть на пароме. Да и дальше ждала полная туманов неизвестность. И такой же туманный остров, похожий на гигантскую рыбу в Тихом Океане.

На пути к острову паром настиг шторм. Люди сидели в каютах, кто мог. Кто не мог, тех рвало на палубе. Пришвартоваться к берегу в такую бурю никакой возможности не представлялось. Это было бы слишком опасно. Болтанка в море продолжалась около суток вместо 12 часов.

Взрослые легче переносили качку. Детей рвало и полоскало каждые несколько минут. Выворачивало наизнанку в духоте каюты. Бледные, пожелтевшие, измождённые, покачиваясь от бессилия, вышли на берег острова в порту Холмска. Что дальше делать и куда деваться никто не знал. Родственников, друзей и даже просто знакомых тут не было. Деньги кончились. Океан и туманы. Остров Сахалин. Край мира...

Дед попытался устроиться на работу прямо здесь, в порту, но его не взяли. Тогда Валя расстелила пожитки на морском вокзале и уложила обессиленных от качки детей спать. А сама с мужем начала перебирать вещи, чтобы выбрать что то на продажу.

Дед Алексей Григорьевич отнёс вещи на рынок и с трудом продал, буквально за копейки. Этого хватило лишь на то, чтобы снова купить билет на поезд и отправиться в далёкий рыбацкий колхоз на заработки вглубь острова.

Прибыли в город Чехов. Здесь нашлась работа и временное жильё в ветхом деревянном бараке. Дети пошли в школу. Родилось ещё двое, тётя Мила и дядя Олег. Семьи тогда у всех были большие. Пятеро детей никого не удивляло, были семьи и поболее. Пока бабушка сидела с детьми, дед работал в плавании на рыболовецком судне в море. И летом и зимой. Месяцами его не бывало дома, и Валентина Дмитриевна выкручивалась, как могла, чтобы прокормить себя и детей.

Наше дружное семейство. Город Чехов на Сахалине. 1972 год. Вторая слева бабуля, затем автор в возрасте девяти лет, тётя Лариса, тётя Эмилия с будущим мужем Александром. Фото из семейного архива.

Затем приходил с рейса дед. На берегу начинал гулять, пить, бедокурить. Пропивать заработанные таким жутким трудом деньги. Однажды поднял руку на бабушку. Она простила его. Но это начало повторяться. Тогда она пошла в администрацию города и попросила дать ей с детьми отдельное от мужа жильё. К тому времени бабушка была уже очень уважаемым человеком в маленьком рыбацком городке. Работала бухгалтером. Брала работу на дом. Трудилась честно и не покладая рук, чтобы прокормить семью. Никогда не сидела без дела. Пятеро детей и всё одна. Одна...

Жильё ей дали. Отдельную двухкомнатную квартиру в каменном доме с печным отоплением в центре городка. Это было просто чудо. Вот тогда семья зажила относительно спокойно размеренно. Алименты дед платить не собирался. Только подвыпивший частенько приходил в наш дом, просил Валентину Дмитриевну вернуться и жить вместе. Бабушка уже столько натерпелась, столько прощала его выходки, что ни сил, ни желания для совместной жизни не осталось. Дети подросли. Моя мама вышла замуж. Она была старшей дочерью в семье. Родился я.

Андрюша-бравый матрос. Последний год в детском саду «Ёлочка». Читаю стихи на новогоднем утреннике. 1969 год. Из личного архива автора.

Меня легко поймут особенно те мои читатели, которые жили в частном доме, и знают, что такое тепло русской печки. Такое домашнее, родное, уютное тепло согревающее не только тело, но и саму душу. Такое тепло обычные батареи дать не могут.

Вот такой покой, уют и душевное тепло всегда исходило от моей бабули. К ней всегда тянулись самые разные люди, соседи, коллеги по работе, просто знакомые. К ней шли поговорить, рассказать о своих несчастьях и горестях. Она всегда чудесным образом находила для каждого свои особенные согревающие и утешающие слова. Помогала и словом и делом. Её любили и уважали все жители нашего маленького городка. Она имела особый дар стать для всех родной и близкой.

Никогда не унывала. Я вырос в этом доме. помню, сколько добра и заботы было о каждом в нашей большой семье. На крупные покупки собирали все вместе, копили мне на пальто и велосипед. Каждый уже работал и нёс все свои деньги в общий семейный котёл. Жили небогато, но никому не отказывали из друзей и соседей. Если те просили займы.

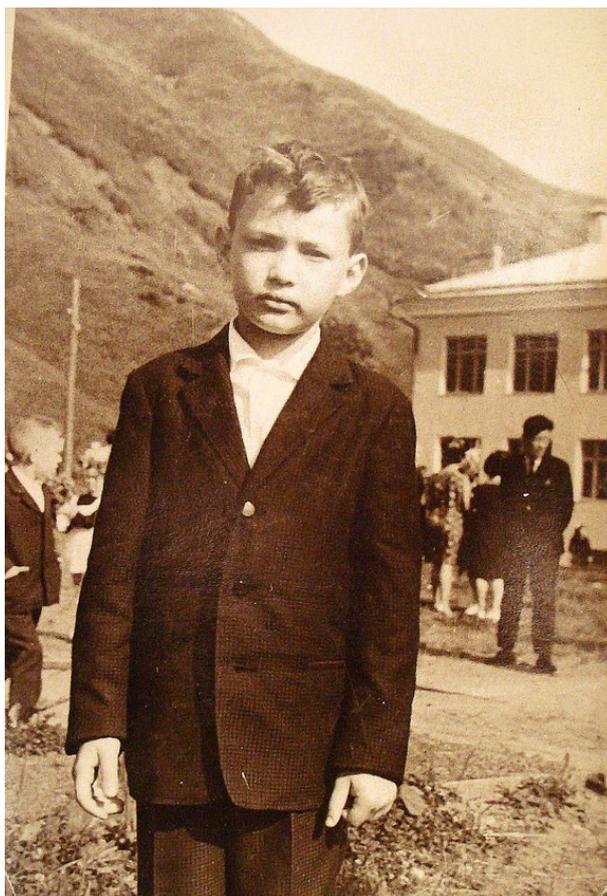
Я ни в чём не нуждался. Вокруг бабули всегда была тихая, спокойная и надёжная радость. Моя мама уехала на материк после смерти моего отца. Поступила учиться в институт в Новосибирске. Я остался с бабушкой на острове. Мне тогда было 2 года. И я стал как бы самым младшим ребёнком в большой дружной семье. Шестым. Именно не внуком, а полноценным общим ребёнком.

Постепенно я стал любимым ребёнком в семье. Самым маленьким. Меня, конечно, баловали. Плюс посылки с материка от мамы. Мама часто присылала мне хорошие детские книги и курурузные палочки в больших коробках. Такого на острове не было.

Придётся, бывало, со школы, глядь, а ботинок уже нет. Вымыты, начищены, стоят, на печке сушатся. Бабуля всё делала незаметно.

Тётки мои даже бурчали за это на бабулю.

– Разбалуешь ты его. Обленится. Сам бы к порядку приучался.

Первый раз в первый класс. Автор перед поступлением в школу. 1970 год. Фото из личного архива автора.

Думаю, они были правы. Но бабуля меня так искренне любила. Больше всех. Ведь бывает часто, что внуков любят больше собственных детей.

И вообще, она была совершенно необыкновенная женщина. Столько натерпевшись в жизни от мужа, не озлобилась, не замкнулась в себе, веру в людей не потеряла. А напротив, всегда сама других утешала, и помогала, чем могла. Словом и делом согревала.

Только благодаря её поддержке я закончил колледж и два института. Мне всё часто надоедало, и без её уговоров бросил бы быстро учёбу.

У бабы Вали была одна совершенно необыкновенная и очень редкая черта. Она никогда не умела делить людей по принципу «Свой» – «Чужой». Чужих для неё вообще не существовало.

К примеру, соседи или знакомые могли абсолютно спокойно попросить её приглядеть за детьми, а сами куда-нибудь отлучиться на весь день.

Возвращаются поздним вечером, а дети мирно спят. Сытые, довольные, наигравшись за день. И ещё, пока соседей не было дома, бабуля успела им и ужин приготовить. Так было всегда и во всём, чего касалась бабушка.

Не помню, чтобы в нашем доме когда-нибудь были ссоры или даже просто серьёзные споры между родными в семье. Никаких разногласий. Тихая, размеренная, спокойная и очень уютная жизнь.

После ухода от мужа бабушка больше замуж не вышла, полностью посвятив себя детям и внукам. Хотя желающих на её руку и сердце в городе было немало.

Она редко бывала одна. Стоило ей выйти на улицу и сразу подходили знакомые, соседи, друзья. Всем хотелось поговорить с ней, спросить совета или просто поболтать на любую тему. Всех выслушивала с приветливой улыбкой и уважением. Какие то невероятной силы волны тепла и доброты исходили от неё. Люди это сразу чувствовали и уже никогда не забывали её душевный свет.

Ещё бабуля очень любила писать и получать письма. Бывало, получит письмо от моей мамы из Новосибирска, радуется, как дитя. Прочитает сначала сама. Потом вечером придут все с работы, она соберёт всю семью за ужином, и опять прочитает письмо при всех вслух. И улыбается, счастливая. За дочь радуется. Затем срочно идёт писать ответ. И пишет полночи.

Вот так мы и жили. Мирно, размеренно, дружно и спокойно.

Прожила бабуля свою долгую жизнь честно, всегда трудясь, не покладая рук. Долгих 86 лет. Религиозной не была. Но под старость, когда ей было уже за 70, полюбила слушать христианское радио. Церквей в нашем городке тогда не было. Партия ведь упорно вела страну к коммунизму.

Бывало, включит вечерком радио Филиппин и слушает о Христе. Растрогается, плачет и умиляется. Меня в детстве не крестили, да, думаю, и никого из моих родных тоже.

Но прожила бабуля и без заповедей библейских честно, праведно и по совести.

До самой смерти сама себя обслуживала, и ещё умудрялась детям, внукам и правнукам помогать. Ни разу даже слова дурного от неё и о ней ни от кого не слышал.

Я жил уже второй год в монастыре, когда получил с Сахалина письмо о смерти бабушки Вали моей. Там рассказывалось, как именно она умирала. Так тихо и мирно...

Утром, как обычно встала с постели. И прямо в ночной сорочке начала вдруг тихонько что то напевать и танцевать по комнате. Потом внезапно успокоилась. Села на пол, глубоко вздохнула, прикрыла глаза и ушла в мир иной. Дядя Олег видел всё это.

Такая спокойная, без трагедий и болезней добрая смерть... Сам Господь, видимо, взял её добрую Душу себе на руки и поселил рядом с собой.

Провожал в последний путь её весь город. Люди как то сами узнавали об уходе бабы Вали. Процессия растянулась почти на километр. Администрация города взяла на себя все расходы по организации похорон и поминок. Был городской духовой оркестр, море цветов и венков. Люди отдавали дань благодарности близкому и дорогому для всех человеку.

Храни тебя Бог, моя милая и бесценная бабуленька. Я твой внук и навеки родной, помнящий тебя человек...

Когда я писал этот рассказ о бабуле, меня очень тронули светлые воспоминания моего детства и юности. И вдруг подумалось... А, может быть, и мои читатели прочитав это, вспомнят добрым словом своих живых или уже ушедших стареньких матерей и бабушек. Возьмут и позвонят им сейчас, если живы. Или помянут ушедших за семейным столом, и в церкви свечечку поставят с молитвой родным за упокой.

Я свою бабулю любил и при жизни, и сейчас люблю. Чего и вашим родным желаю. Лучше, конечно, успеть ценить и благодарить их при жизни. Чтобы потом, стоя у могильной оградки на кладбище, всем нам очень горько и стыдно не было... Чтобы уже слишком поздно не стало... Лучше успеть при жизни...

Поклонный крест на кладбище. Фото из личного архива автора.

АВИ 2016

Велосипед детства Рассказ

Жили небогато. Если кому-то в нашей большой семье нужно было купить дорогую вещь – то все, кто работал, собирали в складчину. Копили, дружно экономили и отказывали себе в том, без чего могли временно обойтись.

Так мне и на пальто новое складывались. И даже на велосипед. Многие из моего поколения наверное помнят, что не у всякого ребёнка в теперь далёкие семидесятые был настоящий двухколёсный велосипед. Всё-таки для некоторых это счастье так и осталось несбывшейся детской мечтой, недостижимой роскошью.

Вот и я втайне мечтал о таком «железном коне». Мечтал, но в свои восемь с половиной годков даже и не верил, что такая роскошь может когда-нибудь принадлежать и мне. Я видел, как гордо носятся по двору мои счастливые сверстники – обладатели этого блестящего скакуна. Как умеют они с демонстративной ловкостью отпустить руль и ехать на велике прямо, иногда даже как то лихо поворачивать без рук. А некоторые юные виртуозы велосипедного мастерства могли резко вскидывать своего «железного коня» на дыбки и ехать некоторое время на одном заднем колесе.

Однажды, лежа перед сном в своей кровати с детской книжкой, я невзначай услышал общий разговор на кухне за семейным ужином.

– Давайте начнём собирать Андрюшке на велосипед, это будет лучший подарок. – Послышался голос моей бабули. – Учится он хорошо, без троек. Вот только физически слабоват. На физкультуре среди последних. Пусть крутит педали, глядишь, и окрепнет за лето.

– Ну, за пару месяцев скопим, мама. – Поддержал мою бабушку дядя Олег. Он, не считая меня, был самым младшим в семье. Но уже пару лет работал токарем в судоремонтных мастерских нашего городишки.

Остальные дружно поддержали бабулину идею и продолжили ужинать.

Заснуть в ту ночь я не смог. Сердце бешено колотилось, я задыхался от волнующей смеси предвкушения счастья и смутного ужаса. Так и прокрутился в кровати без сна до самого утра. Меня мучили кошмары наяву вперемежку с волнением от будущего подарка.

Детские кошмары восьмилетнего мальчишки были таковы.

– А вдруг, я не смогу научиться ездить на велосипеде. Буду падать и падать. Есть же, наверное, люди совсем не приспособленные держать равновесие и при этом крутить педали. Может, я из таких?!

Сейчас уже не помню, был ли у меня в раннем детстве трёхколёсный велосипед. Если даже и не было, то мне давали несколько раз прокатиться ребята во дворе. Вот на нём держать равновесие не нужно – всё равно не упадёшь. Другое дело полувзрослый двухколёсный велик.

Смутные страхи, картинки моих падений и неумения периодически предательски всплывали в сознании и мучили стыдом, детскими тревогами вперемежку с радостным ожиданием.

Не дожидаясь моего девятого Дня рождения, мне подарили велосипед. Его гордо занесли в квартиру и показательно прокатали по большой комнате. Бабуля, мои дяди и тётки,

видимо, ожидали увидеть мой сумасшедший восторг от подарка. Не знаю, что было тогда у меня на лице. Страх, радость или желание куда-нибудь спрятаться.

Настоящий, огромный, блестящий никелем руля и крыльев над колёсами, «железный конь». Багажник тоже был блестящий и очень красивый. Пахнувшая свежей заводской смазкой длинная велосипедная цепь. Ароматный запах новой резины колёс. На руле громкий звонок из нержавеющей стали. На раме аккуратно пристёгнута сумочка с гаечными ключами. Плюс к этому счастью прилагался алюминиевый насос. Подарок был великолепен! Красив и одновременно страшен. Велосипед, пугающий неизвестностью, как я на нём поеду. И вообще, как мне на него влезть. Велик был чутко пониже моего роста. А рама доставала мне до груди.

Дядя Олег при всех пообещал научить меня кататься на этом «звере».

С ужасом я ждал выходных. В будни дядя Олег работал до самого вечера, а учить меня езде на двухколёсной громадине собирался в субботу.

Всё-таки я не умер от ожидания, и выходные наступили. В субботу, после завтрака, дядя Олег вытащил велосипед на улицу. За ним следом с любопытством вытащились все мои тётки, дядя Валера, затем бабуля и я сам. Подойдя к дяде Олегу вплотную, я тихонько прошептал: – Олег, давай отойдём подальше от всех. Учи меня там, где никто не видит. – Боишься? Это тебе не игрушечные машинки по полу катать. – Дядя ухмыльнулся и сел на мой подарок. Он с лихим спокойствием закрутил педали, я побежал следом.

Недалеко от школы есть маленькая улица, идущая под уклон. Здесь, возле школы, мой дядя впервые и посадил меня на «железного коня». – Ты не бойся, просто рули. Педали можно не крутить, велосипед сам тебя повезёт под горку. Я буду придерживать за багажник. Не трусь, пацан, не упадёшь. – Спокойно заверил меня дядя. Я не поверил, но деваться было некуда. И мы поехали. Втроём. Я, велосипед и бегущий сзади дядя Олег.

Мне уже почти начало нравиться. На сидении я был гораздо выше моих пеших сверстников. Я рулил, и велик послушно поворачивал в нужную мне сторону. Скорость веселила и радовала, и всё это было так необычно, интересно и совсем не страшно, что совсем позабыл про своего дядю. Когда же я всё-таки смог оглянуться назад, то поддерживающего за багажник дяди там не было. О! УЖАС! Я тут же так перепугался, что совершенно позабыл рулить и держать равновесие. С грохотом велосипед навернулся, я тоже приземлился, и на скорости отлетел шагов на пять от своего железного агрегата. Так я познакомился и тесно сблизился с моим новым товарищем по имени «АСФАЛЬТ».

– Ну что, племяш? Живой? – Весело или даже слегка насмешливо, как мне показалось, спросил подошедший сзади дядя Олег. – Ты же сам уже ехал нормально и ровно, без меня. Метров двадцать хорошо ехал, пока не обернулся.

Я размазывал кровь по грязным коленкам и не знал, что отвечать. Локти, нос и все выпирающие из меня части организма были содраны, но точно помню – боли я тогда не чувствовал.

– Ещё поедешь, герой, или уже домой пойдём? – Спокойно и с ехидной улыбкой поинтересовался Олег. – Хватит тебе на сегодня ранений или ещё хочешь?

– Хочу... Ещё... – Выдавил из себя я. Страх новых падений и травм был явно меньше постыдных прошлых ночных кошмаров.

Я вновь садился, ехал, падал, поднимался, влезал на велосипед, ехал, снова падал... Дядя Олег сначала продолжал поддерживать меня за багажник, но часто неожиданно я обнаруживал, что сзади никого нет. И, с каждым разом, это пугало всё меньше и меньше. Дома, конечно, нас встретили ОХИ – АХИ бабули и тёток. Меня мазали зелёнкой, йодом, хотели даже бинтовать. Но я, впервые за долгое время, чувствовал себя счастливым. Настоящим смельчаком и бесстрашным парнем. Видимо, это была самая первая моя победа над своими детскими страхами. Тогда я ощутил совершенно новое, очень приятное чувство – УВАЖЕНИЕ К СЕБЕ.

Я так всей своей детской душой полюбил велосипед, что эта любовь на долгое время заменила мне желание иметь друзей и заниматься чем то другим. На занятиях в школе я постоянно страстно хотел только одного – поскорее усесться на велик и, забыв обо всём на свете, кататься до тех пор, пока меня не загонят домой делать домашнее задание.

Несмотря на мою верную любовь к велосипеду. Кстати, он отвечал мне взаимностью, и очень редко ломался и прокалывал свои колёса. Я ему изменил. Это случилось, как всегда, совершенно неожиданно. В третьем классе мне очень понравилась новенькая девочка, перешедшая в наш класс из другой школы небольшого соседнего посёлка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.